

Т. А. Михайлова
ДРЕВНЕИРЛАНДСКИЙ
ЯЗЫК *краткий очерк*

ББК 81.2Ирл-2
М 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-04-16210

Рецензенты:
доктор филологических наук *Е. Р. Сквайрс*,
доктор филологических наук *И. И. Чельшева*,
кандидат филологических наук *Е. А. Парина*

Ответственный редактор
чл.-корр. РАН, д. ф. н. *А. В. Дыбо*

Михайлова Т. А.

М 69 Древнеирландский язык: Краткий очерк. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 296 с.

ISBN 978-5-9551-0372-3

Книга представляет собой обзорный очерк описания древнеирландского языка, затрагивающий все пласты его функционирования: культурный фон, становление словаря, развитие фонологической системы, эволюция системы именной и глагольной парадигматики, синтаксические особенности.

Издание предназначено для всех интересующихся кельтскими языками, а также для лингвистов широкого профиля.

ББК 81.2Ирл-2

*В оформлении переплета использована фотография
монастыря Клонмакнойс (Ирландия, VI в.)*

ISBN 978-5-9551-0372-3

© Учреждение Российской академии наук
Институт языкознания РАН, 2010
© Т. А. Михайлова, 2010
© Языки славянских культур, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	5
Введение	7
<i>Глава 1. Гойдельский период. Огамические надписи</i>	24
<i>Глава 2. Древнеирландский период: проблемы орфографии и ранней текстологии</i>	54
<i>Глава 3. Древнеирландский период — основные памятники</i>	72
<i>Глава 4. Древнеирландский период: лексика, фонология, морфология</i>	106
Словарный состав.....	106
Фонетические процессы древнеирландского периода.....	115
Реконструкция именной парадигмы	119
Древнеирландский артикль	131
Прилагательное	136
Наречие	145
Личные местоимения	149
Числительные	154
Древнеирландский глагол.....	167
<i>Глава 5. Синтаксис</i>	188
Имя — функции падежей	188
Употребление древнеирландского артикля	204
Порядок слов в древнеирландском языке	211
Функции времен и наклонений древнеирландского глагола.....	224
Безглагольные и копулятивные конструкции.....	248
Синтаксис глагольного имени.....	263
Именной указатель.....	274
Принятые сокращения и литература	278

Глава 1

ГОЙДЕЛЬСКИЙ ПЕРИОД. ОГАМИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

Само понятие «гойдельский период» в истории ирландского языка является в значительной степени условным, так как оно одновременно оказывается и хронологическим, и чисто функциональным. Так, с одной стороны, под ним понимается определенный период языкового развития, предшествующий возникновению собственно древнеирландского и во многом определивший его основные фонеморфологические черты. С другой стороны, с точки зрения функциональной «гойдельский период» как одно из звеньев цепи развития форм бытования текстов на ирландском языке характеризуется как «язык огамических надписей», хотя на самом деле, как легко понять, в этот же период язык Ирландии был представлен гораздо большим разнообразием форм и пластов.

В терминах абсолютной хронологии гойдельский период истории ирландского языка принято разделять на два этапа — ранний, примерно с начала IV в. до середины V в., и поздний, с середины V в. до конца VI в. Поздний период отчасти совпадает хронологически с ранним этапом собственно древнеирландского языка, который отражен в архаической части законов, а также в ряде поэтических памятников. Однако как «языковой срез» поздний гойдельский все же является в меньшей степени подверженным ирландским языковым инновациям (во многом — из-за функциональных особенностей памятников) и поэтому представляется целесообразным рассматривать его как продолжение раннего гойдельского¹.

На пути от протогойдельского языкового состояния, которое может быть только условно реконструировано и которое не зафиксировано практически ни в каких памятниках (за исключением ряда топонимов, дошедших в искаженной латинской и греческой передаче), к достаточно широко представленному в разнообразных текстах

¹ Альтернативную точку зрения, при которой язык поздних огамических надписей рассматривается как «архаический этап древнеирландского», см. в [Калыгин, Королев 1989, 108].

древнеирландскому гойдельский период играет довольно важную роль и может быть назван поэтому не только периодом, но и «переходным этапом». Именно тогда сформировался «новый тип языка» [Королев 1984, 31], принципиально отличающийся по своему строю от кельтских языков, представленных на континенте. Ускоренное языковое развитие, называемое иногда «языковой революцией» [Wagner 1964, 270], отличает островные кельтские языки этого периода в целом (т. е. — включая британские языки, видимо, именно тогда давшие начало историческим валлийскому, корнскому и кумбрийскому), однако чисто языковые данные гойдельского региона, несмотря на их фрагментарность, позволяют увидеть этот процесс более наглядно.

В чем причины начавшегося в тот период «островного перехода», лингвистическую суть которого мы отчасти попытаемся показать ниже? Ответить на этот вопрос очень трудно. Строго говоря, данная проблема распадается на две, друг от друга как бы не зависящих, по крайней мере — не прямо. С одной стороны, не ясно, почему ирландский (точнее — протогойдельский) язык вдруг начал ускоренно развиваться и во многом изменил свою фоно-морфологическую структуру. С другой — не ясно, почему данные изменения пошли именно по этому направлению, чем было вызвано их конкретное лингвистическое «наполнение». Отметим также тот факт, что загадочным образом примерно тогда же аналогичные языковые изменения затронули и британские языки. Решений второй проблемы может быть только два — либо лингвистические изменения, произошедшие в ирландском языке, были вызваны каким-то внешним влиянием (иначе — носят субстратный характер, поскольку исторические условия ничего иного не допускали), либо их суть коренится в реализации определенных «потенций», существовавших на каком-то глубинном уровне уже в самом протогойдельском (и ранее)².

Но каковы бы ни были собственно лингвистические составляющие «языкового сдвига», произошедшего в Ирландии в период с начала V до середины VI в., толчком к нему очевидно послужили какие-то социальные перемещения, во многом изменившие ирландское общество. Какие именно — можно только гадать. Предположительно, большую роль здесь сыграло распространение христианства, которое официально было принято в стране в 432 г. в результате мис-

² Точка зрения сторонников «естественного развития потенциальных возможностей» наиболее полно и аргументированно сформулирована в докладе известного ирландского лингвиста Д. Грина — «Становление островного кельтского» (см. [Greene 1966]).

сии святого Патрика. Установление новой религии, причем — на официальном уровне, как основной религии социальной верхушки, естественно, вызвало падение старых институтов «сакральной власти», за чем последовали, видимо, и какие-то более масштабные «социальные перемещения». В то же время, как пишет А. А. Королев, «с конца III в. и особенно в IV—V вв. на Британских островах наступает эпоха “локального переселения народов”. Гойдельские племена колонизируют о-в Мэн и закрепляются на юго-западе Шотландии (королевство Далриада). По-видимому, еще раньше возникают постоянные поселения в Уэльсе и Корнуолле» [Королев 1984, 55]. Втягивание в зону распространения гойделов Дал Риады, как до этого — северных районов самой Ирландии, автоматически означало присоединение к гойдельской языковой общности иноязычных народов, говоря условно — пиктов, язык которых до сих пор остается не реконструированным³. Таким образом, как мы видим, гойдельский период характеризуется определенными социальными и территориальными изменениями, при которых статус интуитивной нормы обретают какие-то разговорные языковые формы. Явление, надо сказать, достаточно универсальное. В принципе, это могло произойти и в рамках собственного, кельтского языкового материала, как это обычно и происходит, когда в языке накапливаются какие-то изменения и в результате тех или иных, часто — социальных, сдвигов принимают качественный характер. Но в нашем случае — изменения кажутся слишком скачкообразными и носят характер слишком «революционный». Предположение о каком-то иноязычном влиянии («местном акценте») предстает здесь как более логичное и перспективное.

Основной материал, на базе которого гойдельский период развития ирландского языка может быть как-то описан и характеризуется, содержится в так называемых огамических надписях — кратких записях имен, высеченных на ребре поставленного вертикально камня (надпись читается снизу вверх). Сам огамический алфавит состоит из двадцати основных знаков, представляющих собой наборы (от одной до пяти) одинаковых для каждого знака поперечных или косых черт — для согласных или коротких зарубок — для гласных (см. рис. 7). Как верно отмечает А. А. Королев, «с точки зрения формы огамический алфавит представляется одной из наиболее своеобразных алфавитных письменностей мира» [Королев 1984, 5] (см. рис. 8).

³ См. об этом, например, [Jackson 1955; Dunbavin 1998; Forsyth 1997; Nicoll 1995; Хендерсон 2004].

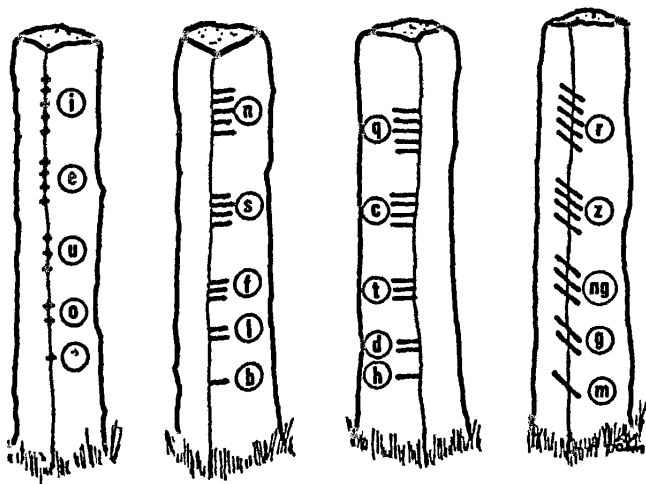

Рис. 7. Огамический алфавит

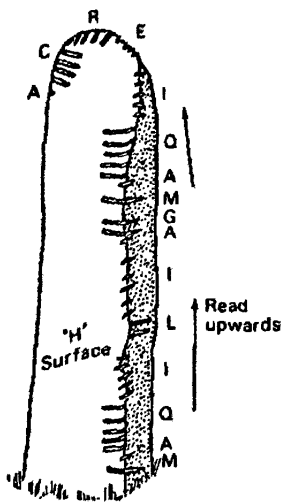

Рис. 8

В настоящее время известно более 400 огамических надписей⁴, среди них примерно 330 — в Ирландии, около 50 — в Уэльсе (в основном — латинские билингвы), несколько — в Англии, около 30 — в Шотландии, в районах обитания пиктов. Кроме того, известны также поздние, так называемые «схоластические» огамические надписи, выполненные не на камне, а на плоском листе пергамента (в них текст обычно движется слева направо). Последняя группа памятников, естественно, уже не относится к гойдельскому периоду, однако сам факт существования таких текстов показывает, что еще в период позднего Средневековья (т. е. примерно в XII—XV вв.) огам в Ирландии был известен, отчасти — понятен и привлекал интерес ученых клириков, которые по-своему пытались объяснить происхождение этого алфавита и осмыслить его функции.

После XVI в. интерес к огамическим надписям был утрачен и сам огам был практически забыт. Однако уже в 1785 г. после находки⁵ камня с огамом и публикации Чарльзом Валланси надписи на нем (см. об этом в [McManus 1991, XI]) интерес к этому странному алфавиту возник вновь, уже на принципиально новом, научном уровне. В свое время к проблеме огамических надписей обращалось множество кельтологов, среди которых в первую очередь принято называть имена Э. МакНила, наверное, первым давшего подробный очерк распространения огама и описавшего язык надписей (см. [MacNeill 1909]), и Р. Макалистера, составившего основной корпус текстов [Macalister 1945]. Сделанная Макалистером нумерация надписей в настоящее время является базовой. Очерк описания огама с точки зрения исторической фонологии кельтских языков содержится также в издании К. Джэксона *Язык и история в Древней Британии* [Jackson 1953]. Среди более поздних работ необходимо отметить книги Д. МакМануса *Путеводитель по огаму* [McManus 1991], своего рода «учебник», в котором обобщены наблюдения предшествующих исследователей, и археолога К. Свифт [Swift 1997], в работе

⁴ В книге А. А. Королева, которая в настоящее время является наиболее полным и авторитетным исследованием огамических надписей на русском языке, приводится число — 350. Автор опирался в данном случае на собрание Р. Макалистера, вышедшее в 1945 г. и, как принято в ирландистике, использовал его нумерацию надписей ([Macalister 1945]), однако с тех были сделаны новые находки. Естественно, в ходе активных археологических работ, ведущихся сейчас в Ирландии, можно ожидать появления новых текстов (см., например, [Hamlin 2001]).

⁵ Р. Макалистер считает этот камень подделкой конца XVIII в.

которой огам рассматривается в первую очередь как памятник древней истории Ирландии и отчасти как своего рода реликт ранних дохристианских культов, сакрализовавших собственно камни, установленные вертикально. Часто, по ее мнению, надписи прорезались на этих гораздо более древних камнях. Именно по последней причине для датировки огамических камней совершенно не применим радио-углеродный метод: «радиоуглерод может сказать нам, когда этот камень был воздвигнут, но ничего не говорит о самой надписи» [Harvey 2001, 37].

Ареал основного распространения огамических надписей в самой Ирландии довольно узок и в первую очередь ограничивается тремя графствами на юго-западе острова — Керри, Корк и Уотерфорд, где, по мнению А. А. Королева, и следует «искать эпицентр распространения огамической эпиграфики» [Королев 1984, 9]. Именно эта область в начале нашей эры, действительно, была наиболее «открытой» для античного мира, с одной стороны, и именно оттуда началась более поздняя колонизация Уэльса, с другой (ирландские колонисты и принесли с собой в Британию огам).

Сами надписи не поддаются точной исторической датировке, так как практически ни одно из фигурирующих там имен не может быть достоверно соотнесено с именем какого-либо из исторически известных ирландских королей. Исключение составляет надпись № 358, найденная в Уэльсе, — латинско-огамическая билингва, в которой упоминается имя Вортепора, короля Диведа, ирландца по происхождению:

Memoria Voteporigis protectoris
VOTECORIGAS

Этот Вотеко́риг, или в валлийском произношении — Вортепор, был реальным историческим лицом, упоминавшимся, в частности, в трактате св. Гильды *О погибели Британии*⁶. Его смерть датируется приблизительно 550 г.⁷ (см. рис. 9).

⁶ См. оригинал, русский перевод и комментарий в [Чехонадская 2003, 187, 274—5].

⁷ По мнению П. Симс-Вильямса, который обратил внимание на неполное соответствие огамического имени и имени короля у Гильды (Вотеко́риг и Вортепор), «Вотепо́риг жил раньше, чем описанный Гильдой тиран, т. е. ранее 540 г., традиционная дата труда Гильды, и, возможно, ранее 520 г.» [Sims-Williams 2003, 347]. По его мнению, это были представители одной династии и даже, возможно, отец и сын. См. об этой надписи также [Harvey 2001, 43—44].

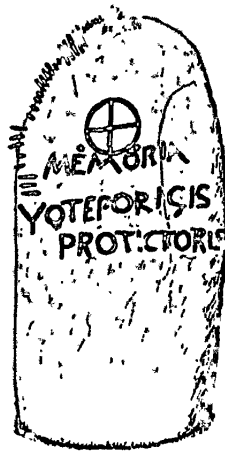

Рис. 9

С точки зрения палеографической как-то разделить огамические надписи на ранние и поздние также не представляется возможным, поскольку сам характер нанесения знаков (вырезание по грани камня) дает мало возможности для варьирования «пошиба». Более глубокие или более длинные прорезы, видимо, принадлежали к разным школам, но ничего не говорят о хронологии. Самой древней находкой «огамического символа» считается игральная кость, обнаруженная в так называемом кранноге (сгаппóг, озерном доме) в Центральной Ирландии, датируемом II в. н. э. — цифра 5 заменена там огамическим знаком для буквы V. Таким образом, видимо уже в этот период сами огамические знаки были известны, хотя применяться в надписях стали несколько позже. Принимая идею германиста-рунолога В. Краузе о том, что создание алфавита обычно предшествует появлению надписей на нем на полтора-два столетия [Krause 1970, 35], мы можем датировать возникновение и распространение огамических надписей примерно IV—VI вв. Лингвистическая датировка огама примерно совпадает с археологической, но в то же время ставит перед исследователем множество вопросов, в основном упирающихся в проблему: до какой степени консервативным мог быть резчик и составитель надписи, отразивший или, напротив, намеренно не отражавший на письме те или иные фонетические изменения, произошедшие в языке (о соседстве внутри одной надписи фонети-

ческих феноменов, относящихся к разному времени, см., например, в классической работе [Mac Neill 1931a].

Все огамические надписи на камнях, в общем, однотипны. Они представляют собой генитивы сложных имен, как правило — с соответствующим патронимом (или именем божественного первопредка). Например:

№ 246 — CORBAGNI MAQI BIVITI (усл. пер. «Колесничника, сына Живого»).

Предположительно, основная модель надписи — «/камень/⁸ X-а, сына Y-а», однако остается не совсем ясным, в память чего и кого данный камень с надписью мог быть поставлен. Наиболее распространенным является мнение, что все огамические камни представляют собой особого вида надгробия, а надписи на них — эпитафии, хотя ни одного реального захоронения под ними обнаружено не было. Возможно, они являются так называемыми «кенотафами» (каменьями, поставленными не на могиле), установленными в память о гибели того или иного лица. Действительно, в ирландских сагах довольно часто можно встретить своего рода формулу — *ro tócbad a lia ḡ ro scríbad a ainm oguim* [DIL-N,O,P, 113] — «поставлен его камень и написано его имя огамом». Или, в расширенной форме — *Cladar a fert iarum. Sátir a lia. Scríbthair a ainm n-ogaim. Agair a gubae* [TBC 1976, 163] — *Роят его могилу потом. Ставят его камень. Пишут его имя огамом. Плакуют его.*

В рукописи середины XII в., так называемой *Лейнстерской книге* (традиционное сокращение — LL, Lebor Lagen), есть небольшое стихотворение, которое приписывается Ойсину, сыну Финна. Согласно сюжету саги, в которой оно содержится в качестве поэтической вставки, оно было написано им на смерть его сына Озгара:

Ogum i líia, lia uas lecht,	<i>Огам на камне, камень на могиле,</i>
Bali i téigtis fecht fir,	<i>Жилище, где не будет пути мужей,</i>
Mac ríg hÉrend ro gaet and	<i>Сын короля Ирландии убит там</i>
Do gae gand os gabur gil ⁹ .	<i>Огромным копьем на белом скакуне.</i>

⁸ Существует единственный пример, в котором присутствует само слово «камень» (N 1 — *lie Lugaedon maccí Menveh*, надпись поздняя, конец VI в., и уже не собственно огамическая, выполнена латинским полуунциалом. Язык принадлежит гойдельскому периоду, но, видимо, является сознательной архаизацией).

⁹ Цит. по [McManus 1991, 155]. См. также — [Lchmann 1980].

Однако, строго говоря, все многочисленные примеры упоминаний нанесения огамической надписи на могильном камне свидетельствуют о том, что именно так осмыслялся огам в среднеирландский период, т. е. компиляторами текстов, которые сами огамической письменностью уже не пользовались, но зато были знакомы с античной культурой «эпитафий». Реально существующие камни с вообще еще понятными надписями на них, видимо, требовали какой-то интерпретации с функциональной точки зрения.

В то же время, в текстах ранних законов встречаются упоминания о другом применении огама. Так, в трактате, датированном Р. Турнейзенем VII в. (*Berrad Airechta*), говорится, в частности, о правах наследования земли — *...inbat la comorbu cuimne, cen ogom i n-aílchib, cen accrus n-aithgnith, cen macu, cen ratha* [Thurneysen 1928, § 59] — *когда у наследников есть только память, без огама на столпе, без бросания жребия, без сыновей, без договора*. Идея огамического камня как «свидетеля» границы между землями встречается и в ряде других текстов, юридического характера (см. об этом [Plummer 1923; McManus 1991, Ch. 8]).

В своей монографии об огаме Д. МакМанус, развивая предположение Т. Чарльза-Эдвардса [Charles-Edwards 1976], приходит к выводу, что камень с написанным на нем огамом именем был и эпитафией, и межевым столбом одновременно. За традицией погребений на границах земель, как он полагает, стояли верования кельтов-язычников в то, что покойный, воплощенный в своем имени на камне, будет надежным стражем границ своих земель.

В книге К. Свифт огамические камни ставятся в один ряд со многими другими археологическими памятниками, обладающими несомненным внешним сходством. Речь идет о так называемых «орто-статах» (или — «монолитах»), одиночных вертикальных камнях, встречающихся на Британских островах достаточно широко. Датироваются они периодом гораздо более ранним, по мнению К. Свифт, Бронзовым веком, на некоторых можно найти символические изображения (спирали, геометрический орнамент, изображения животных и проч.), часть — имеет несомненную астрономическую ориентированность. По археологическим данным, практика возведения подобных «стел» сохранялась в Ирландии очень долго и захватила период раннего христианства, причем — не как реликты языческих культов, а как своеобразный внешний элемент новой религии (такие камни часто находят возле монастырей, и они могут быть украшены христианской символикой). Огамические надписи вырезаны лишь на небольшой части этих культовых камней и, как пишет Свифт, «мы

принципиально не можем провести четкую функциональную грань между огамическими камнями и одиночными ортостатами» [Swift 1997, 27].

Сам характер нанесения надписи (снизу вверх) свидетельствует о том, что в период широкого использования огама в Ирландии текст, скорее всего, не процарапывался на «старом» стоящем камне, а специально писался на ребре камня, положенного вначале горизонтально (как справа налево, так и слева — направо). И уже потом камень воздвигался в нужном месте в вертикальном положении. То есть, иными словами, практику возведения одиночных вертикальных камней с огамическими надписями можно рассматривать как один из поздних этапов модифицированного культа камней, распространенного как на Британских островах, так и шире — в Западной Европе (так называемая «культура мегалитов»¹⁰).

Говоря об основных функциях огамической письменности, мы опираемся, естественно, в основном на данные огамических надписей, которые, как мы уже отмечали, стереотипны в плане содержания (генитивы личных имен) и однотипны в плане выражения (нанесены на ребро камня). Однако у нас нет уверенности в том, что набором этих и других, не дошедших до нас, памятников-эпитафий ограничивалось употребление огамического алфавита. В ирландских сагах, поэтических трактатах и поздних «ученых» текстах существует много описаний иного использования огамической письменности. Мы можем условно разделить все эти упоминания на две группы:

¹⁰ Мегалиты (букв. «большие камни», из греч. μέγας «большой» и λίθος «камень») встречаются в Европе в основном на Британских островах и на территории Франции (в основном в Бретани), но также — на Западном и Северном Кавказе, где они обычно имеют форму дольменов и относительно невелики по высоте («малыс» дольмены распространены также в Сирии и Северной Африке), на севере Испании, на Мальте и на побережье Балтийского моря, в основном — в Карелии, в зоне расселения предков современных саамов (так называемые «сейды» — огромные валуны, установленные на небольших подставках-ножках). Предпочтительное распространение мегалитов в зонах расселения кельтских племен вызвало исторически неверное представление о том, что своим возникновением они обязаны особым религиозным верованиям данных народов (иными словами — что их строили по приказу «кельтских друидов»). Находки на Кавказе и в Карелии, а также датировки основных мегалитических памятников говорят о том, что они появились еще до того, как указанные территории были заселены кельтами и, скорее всего, принадлежат доиндоевропейскому населению Европы, которое иногда называют «строители мегалитов».

1) огамическое письмо используется для передачи информации (как правило, в ситуации, когда адресат и создатель текста удалены друг от друга);

2) огамические знаки имеют магическое значение.

К употреблению первого типа мы можем отнести, например, рассказ о том, как Кухулин в саге *Похищение быка из Куальнге* вырезал на согнутом в кольцо стволе дерева надпись огамом, запрещающую колесницам противников (коннахтов) продвигаться дальше вглубь территории уладов (см. [Похищение 1985, 137]). В рассказе о Коналле Корке говорится, что на его щите огамом было написано, что Коналла следует убить, но друид намеренно прочел эту надпись неверно и тем самым спас ему жизнь (см. [Dillon 1994, 35]).

В данных и других подобных примерах обращает на себя внимание тот факт, что огамическая надпись, как правило, понятна лишь посвященному лицу, что, в общем, вполне естественно, так как, как можем мы предположить, в период широкого применения огамической письменности она, как и позднее — письменность на латинской основе, была знакома лишь небольшому числу «грамотных» лиц. В то же время, в трактате об обучении древнеирландских поэтов филидов, говорится, что в начале 12-летнего курса они должны были выучивать по 50 огамов в год (см. [Thurneysen 1991; Калыгин 1986, 22]). Общее число «огамов» (150) значительно превышает число собственно огамических знаков: видимо, речь шла о каких-то иных значениях понятия «огам». Судя по текстам, в которых описаны случаи записи на камне или дереве достаточно длинной надписи, речь может идти либо о традиционных аббревиатурах, либо о каком-то ином, возможно иероглифическом, употреблении огама.

К другой группе могут быть отнесены случаи, когда огамические знаки исполняют некие магические функции — оберегов¹¹ или «гадательных палочек» (видимо, подобных тем, которые описывал Тацит). Здесь также, видимо, речь идет об иероглифическом употреблении огамических знаков, которое, как полагал еще Ж. Вандриес,

¹¹ Например, приведенный в среднеирландском трактате *Руководство для ученых* (Araicseart na nÉces, прим. XI в.) рассказ о том, как жену Луга должны были похитить хтонические существа фоморы, оберегом для нее послужило семь раз написанное слово «берза» (ирл. *bethe*), точнее — семь раз повторенный огамический знак «березы», первый знак огамического алфавита, представляющий собой одну горизонтальную зарубку справа налево (см. [Vendryes 1952, 253—255, там же см. рассказы о других случаях использования огама в «магических» целях]).

должно было предшествовать их алфавитному употреблению (пусть, который является универсальным для всех алфавитных систем).

Однако у нас нет оснований быть уверенными в том, что все описанные случаи использования огама действительно имели место в истории Древней Ирландии, а не являются позднейшими измышлениями среднеирландских *literati*, которые были знакомы с надписями и их лингвистическим смыслом, но в то же время пытались как-то соотнести собственную традицию с латинской «ученостью». По крайней мере, к изучению огамических надписей на камнях как памятников истории ирландского языка гойдельского периода все это не имеет отношения, или — почти не имеет.

Сам характер огамических знаков дает основания для группировки их по пять однотипных символов (от одной до пяти насечек в каждом знаке), что находит развитие в поздней так называемой «схластической огамической» традиции. В среднеирландских трактатах *Руководство для ученых*, *Книга Огама* и ряде других сохранились подробные описания самого огамического алфавита, даны «кенинги» названий букв (см. [McManus 1988]), их «имена» и фонетическое наполнение (и, естественно, предложены теории возникновения этого алфавита). Таким образом, огамическая письменность, действительно, «никогда не нуждалась в настоящей дешифровке, поскольку значение ее никогда не исчезало среди образованных социальных прослоек Ирландии» [Королев 1984, 7], но в то же время именно описание огамических символов среднеирландскими «лингвистами» ясно дает понять глубину языкового «среза», соответствующую времени возникновения этого алфавита.

Традиционно огамические знаки делятся на так называемые «семьи» (ирл. *aicme*), а сами буквы — называются *fid* (pl. *fedá*, букв. 'дерево, палочка, веточка'). Название огамического алфавита — *be-the-luis-nin*, по «именам» первых фидов первой семьи (аналогично словам *алфавит*, *азбука*, рунический *футарк*). Знаки имеют следующие имена и фонетические значения:

Beithe — «береза», передает звук [b];

Luis — «растение, росток, трава», передает звук [l];

Fern — «ольха», передает др.-ирл. звук [f], на более раннем этапе — [w] (к и.-е. *g^h);

Sail — «ива», передает звук [s];

Nin — «сено» или «вилы», передает звук [n];

Úath — «страх», видимо, как-то соотносится с лат. *pavere* 'бояться', предположительно передает придыхание, сохранившееся на раннем

этапе на месте и.-е. **p* перед гласным, но при этом не совпадающее фонетически с [h], возникающем из [s] в интервокальном положении и в ауслауте; в самих надписях знак не встречается (за исключением пиктских надписей в Шотландии);

Dair — «дуб», передает звук [d];

Tinne — «блеск» или «расплавленный горячий металл», передает звук [t];

Coll — «орешник», передает звук [k];

Cert — «яблоня» (?) (при валл. *perth* 'куст'), передает звук [k^w], в гойдельский период еще не слившийся фонетически с [k] и сохраняющий признак лабиализованности;

Muin — «шея», либо — «шутка, насмешка», либо — «любовь, привязанность», передает звук [m];

Gort — «сад, огород, поле», передает звук [g];

Gétal — «убийство» (?), по мнению Д. МакМануса, не сохранившееся глагольное имя к *gonid* 'убивает, ранит' [McManus 1988, 157—9], предположительно, передает звук звонкий лабиовелярный [g^w], восходящий к и.-е. **g^{wh}*, утративший аспирацию, но не успевший пройти переход к полной лабиализации с утратой велярности (в отличие от и.-е. **g^v*), в надписях не встречается;

Straif — «сера», знак предположительно передает аффрикату [ts], либо звонкий [z] (возможно — близок к галльскому звуку [d̪], так называемому «тау-галликум», в гойдельском слившемся с [s]); в поздних трактатах знаки, кодируемые как *cert*, *gétal*, *straif*, назывались «загадками огама», т. е. — явно изначально должны были передавать звуки, уже не существовавшие в классическом древнеирландском;

Ruis — «краснота», передает звук [r];

Ailm — «сосна», передает звук [a];

Onn — «ясень», передает звук [o];

Úr — «земля, почва» (?), передает звук [u];

Edad — возможно, искаженное *ébad* 'осина' (кеннинг «умное дерево» и «брат березы»), передает звук [e];

Idad — возможно, искаженное *ibar* 'тис', передает звук [i].

Таким образом, как мы видим, фонетическая система ирландского языка гойдельского периода (условно — язык надписей) уже не полностью соответствовала фонетике, отраженной в огамической письменности, которая фиксировала некое более раннее состояние. В то же время обращает на себя внимание отсутствие символов для обозначения долготы гласного и спирантов θ и χ, появляющихся в

результате лениции¹² /t/ и /k/. Предположительно (скорее — возможно), для передачи этих звуков в огамических надписях использовались знаки — TT и CC¹³:

№ 135: MINNACCANNI MAQI AILUATTAN.

Не имела своих символов и распространившаяся примерно к середине V в. палатализация. Предположительно, в ряде поздних надписей для ее передачи использовался знак для звука [i], отражавший особый призвук — узкий глайд (этот же прием был использован затем при переходе на письменность на латинской основе). Например:

№ 83. LAMADILICCI MAC MAIC BROCC.

Феномен «отставания» фонологической системы символов от собственно фонетики живого языка вполне логичен и закономерен. Более того, в ходе распространения огамических надписей были изобретены дополнительные знаки (называемые — *forfeda*, «сверхпалочки»), которые должны были каждый передавать по два звука — дифтонги и гласный или согласный. Отдельные звуки дополнительной семьи понятны функционально — они передавали [p] в заимствованиях и ленированное [θ]. Ряд других — дублиеты к уже имеющимся знакам, и причина их появления не ясна.

Ориентировочная датировка возникновения огамического алфавита (примерно II—III в. н. э.) должна служить своего рода отправным пунктом и для интерпретации самого факта появления этой странной письменности. Считается, что огам возник под влиянием латинского и греческого алфавитов, поскольку составляющие его символы явно миновали традиционную для всех систем письма иероглифическую стадию¹⁴. Однако, как справедливо отмечает Дж. Карни, «не ясно, почему образованные кельты начала нашей эры изобрели такой шифр, если греческий и римский алфавиты не только хорошо были знакомы им, но и широко использовались кельтами на континенте» [Carney 1975, 62].

¹² Леницией называется регулярное изменение качества согласного в интervoкальном положении; фонетические по своему происхождению, лениция и другие мутации в островных кельтских языках приобрели грамматический и формообразовательный статус (подробнее об этом — см. в последующих разделах).

¹³ О значении огамических геминат см. подробнее [Harvey 1987].

¹⁴ Ср.: «Ни одна письменность не может начинаться со стадии силлабографии или алфавита, если она не заимствована, прямо или косвенно, из системы, которая уже прошла все предыдущие этапы развития» [Gelb 1969, 201].

Естественно, происхождение такого странного алфавита (или, точнее, — системы кодировки звуков) нуждалось в объяснении, что породило много разного рода гипотез. В мифологической среднеирландской традиции изобретение огама приписывалось богу Огме, сыну Эллаты. В трактате *Книга Огама (In Lebor Ogaim)* он называется «отцом огама», тогда как «мать его — рука с ножом». Согласно трактату, название алфавита происходит от имени Огма, которое возводится самим составителем к форме *óg-úaim* 'совершенное звучание' (см. [McManus 1991, 150]). Традиционным является соотношение ирландского божества из так называемых Племен Богини Дану, носящего имя Огма, с «галльским Гераклом, богом красноречия Огмиусом», о котором писал еще Лукиан из Самосаты: он изображался мудрым старцем, символически ведущим за собой людей при помощи тонких цепочек, тянущихся от его рта к их ушам (см. [Королев 1984, 6—7]). Однако это отождествление, хотя и стало традиционным, — явление позднее (видимо — порождение немецкой мифологической школы XIX в.¹⁵), не учитывающее ни несходства фигур самих мифологических персонажей ирландского Огмы и галльского Огмиуса, ни закона фонетического соответствия, согласно которому галльскому Ogmios должно было соответствовать древнеирландское *óme*, позднее — *úama* (см. [Королев 1984, 6]).

Согласно другому трактату, *Руководству для ученых*, рассказывается, что огам изобрел ирландский мудрец Фениус Фарсаль, который вместе с другими ирландскими мудрецами решил упорядочить и описать языки, возникшие после Вавилонского столпотворения. Лучшие звуки были взяты им для нового, изобретенного им самим языка, названного в честь другого мудреца — Гуидела, и затем для этого языка были изобретены знаки, которых до того не было ни в одном другом языке (см. более подробный пересказ в [McManus 1991, 148—149]). Изложение этого предания приводится в книге Д. МакМануса очень подробно не случайно: он видит в нем позднее символическое переосмысление реальных моментов, сопутствующих возникновению огама. Во-первых, в легенде огам изображается как изобретение, а не как результат естественной эволюции другой семиотической системы. Во-вторых, заслуга этого изобретения принадлежит образованным людям, знакомым с другими, иноязычными учеными традициями.

¹⁵ Отождествление Огмы не только с галльским Огмиусом, но и с германским Одним — см. в работах К. Марстрандера о сопоставлении огамической письменности и рун [Marstrand 1910].

Проблема происхождения огамической письменности также должна быть поделена на две субпроблемы, каждая из которых требует какого-то решения. Во-первых, возникновение самих знаков, во-вторых — применение этих знаков к звукам живого языка, проведенным через призму фонологизирующей абстракции.

В том, что касается собственно огамических знаков, группирующихся по пять в каждой «семье», то само устройство этой системы, как кажется, со всей очевидностью выдает ее нумерологический характер. В названной работе Р. Турнейзен [Thurneysen 1937] предполагается, что идея палочек-зарубок была изначально создана для счета каких-либо предметов и затем уже, на гораздо более позднем этапе, перенесена на символы звуков, выстроенных в ряд по какому-то, не совсем ясному принципу. Эту же мысль разделял и Л. Гершель, справедливо соотносивший исходное число огамических знаков с двадцатеричной системой счета, распространенной в свое время у островных кельтов, но затем под латинским влиянием вытесненной десятичной [Gerschel 1962; 1963]. Отметим, что реликты двадцатеричной системы счета сохранились в ирландском до сих пор — ср. др.-ирл. *cethorcho* ‘сорок’ при ср.-ирл. *daichead* (> *da fhichead* ‘дважды двадцать’) при валл. *deugain*, брет. *daou-ugent* ‘то же’. В работах Р. Макалистера в данной связи высказывалось предположение, что количество знаков внутри каждой «семьи», пять, соотносилось с числом пальцев на руке и огам, таким образом, представлял собой изначально своего рода «шифр», при котором информация могла передаваться при помощи тайных знаков (см. [Macalister 1937]). Однако он предполагает, что рука в данном случае послужила прообразом не только единицы счета, но и магического символа. Впрочем, второе не противоречит первому.

Идею изначального использования огама именно как счетных символов разделяет и Д. МакМанус, который сопоставил огамические знаки с римскими цифрами, возникшими изначально как система зарубок.

Следующий шаг, соотнесение данных групп символов с фонологизированной (!) системой звуков гойдельского языка, — на самом деле достаточно сложен для интерпретации и, как считают практически все исследователи, не мог быть сделан ирландскими «лингвистами» без влияния латинского и греческого алфавитов. Высказывались предположения, что огам был изобретен не в самой Ирландии, а на территории романизованной Галлии (например, [O’Rahilly 1946]), однако по большей части, учитывая преимущественную локализацию огамических памятников именно на юго-западе острова, все

склоняются к идее, что огамическая письменность возникла именно там и была изобретена «ученым ирландцем, (...) который несомненно был знаком со школьной системой преподавания латинского алфавита (т. е. — с запоминанием букв “по именам”, типа “аз, буки, веди...”. — Т. М.) (...). Судя по археологическим данным, первый период таких тесных мирных контактов охватывает I—III в. н. э.» [Королев 1984, 19].

Однако в данный период Ирландия с точки зрения этнической и лингвистической не была гомогенна, но скорее представляла собой «плавильный котел» из нескольких племен, как докельтских, так и кельтских. В указанной работе Т. О'Рахилли, а также — в статье Э. Мак Уайта [Mac White 1961] и ряде других возникновение огама связывается с племенами эранн и десси, этническая принадлежность которых не совсем ясна. Вслед за Э. МакНилом, который еще в начале XX в. сопоставил наиболее распространенные в огамических надписях личные имена с именами правителей этих племен в генеалогиях [MacNeill 1909, 1910], Мак Уайт предположил, что именно народ десси, в указанный период предположительно мигрировавший из южных и юго-восточных районов Ирландии на запад, а затем отчасти — в Уэльс, и был тем «племенем», к которому принадлежал «ученый ирландец», изобретший огам¹⁶. Принятие этой гипотезы отчасти, как нам кажется, может объяснить и странную «ускоренность языкового развития», о котором мы уже писали. Если огамические надписи изначально отражали языковое состояние некой этнической группы, видимо кельтской, но не собственно гойдельской (т. е. — не язык непосредственных предков ирландцев), то дальнейшее распространение огамической письменности и самих надписей будет сопровождаться движением не только во времени, но и в пространстве: и в диахронии, и от одного диалекта к другому. Впрочем, все это относится скорее к предположениям.

Остается не до конца проясненным и расположение знаков в семьях. Если группа «гласные» выделяется достаточно четко, то распределение по группам согласных звуков рационального объяснения не находит. В свое время Е. Куриловичем высказывалась идея так называемого «интуитивного фонолога», который при классификации огамических знаков учитывал и леницию, и позиционные особенности древнеирландской консонантной системы (см. [Kuryłowicz 1961]).

¹⁶ Соотнесение племени десси с огамом, а также — с римской, видимо, привнесенной погребальной утварью прослеживается и на чисто археологическом материале (см., например, [Harbison 1988, 184]).